

ПОЕЗДКА НА ЦЕЛИНУ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

властно распоряжалась, отдавая приказания своим детям, которые бесприкосновенно, уваживая малейшее движение матери, исполняли их.

Прекрасно воспитаны дети народ: уважение к старшим и особенно к родителям — их отличительная черта.

Хозяйки дома были очаровательны. Веселы, приветливые, она мало говорили по-русски, но тем не менее умели занять нас всеми и трогательно заботились о том, чтобы не пустовать дни. Хозяин с гордостью рассказывал о своем новом доме. Но вот приехал пэрторт и сообщил, что народ уже собирается в клубе...

Там ожидало меня приятное волнующее зрелище. Толпа молодежи стояла у входа, в столове мне выбыли из машин, как меня окружили пионеры, школьники и совсем маленькие дети. Каждый старался притиснуться поближе и протянуть хоть веточку, хоть гранину или бумажный цветок, но обязательно передать этот простой и трогательный знак привета.

Клуб был уже полон, но народ все еще в первом ряду и увидела

только на одно — культурное обслугивание.

— Ни газет, ни журналов. Кино не было с самой весны, как прискакали сюда. Как только вы заберите в такую глухомань? — говорили мне все почты хором. И бесконечно стильно стало мне за себя, за всех коллег тоже, за отделы и управление культуры, а также министерства. Люди, труд которых мы сами так воспели и окликнули высоко живут в далеких бескрайних степях, оторванные от всей большой жизни страны. Они трудятся, чтобы было нам всем хорошо, чтобы наш большой дом был полной чашей. Мы, горожане, с гордостью говорим о наших целинниках, а работы о них пропагандируют недостаточно мало. А ведь это фронт! Фронт геройский, тяжелый — так почему же большинство этого фронта не дает необходимого и безусловно заслуженного им культурного отдыха, не посвящаем им хотя бы частичку нашего творческого вдохновения? Слишком мало бригад, слишком мало мастеров высаживает людям, отказавшимся от житейского покоя и благополучия, и поселившимися здесь для труда и борьбы за счастье нашего народа.

Мне хочется обратиться ко всем

Народная артистка СССР Е. Гоголева на полях целинного созохоза.

Мне было необычайно дорого контактировать, возникший между мной и слушателями. Я чувствовала, что им интересно то, что я читала, чувствовала, что и их внимание привлекалось еще крупицами новых знаний.

МНЕ все хотелось побывать в самой глубине целины. И вот были избраны путь — в Маскаленку. Мы долго ехали по совершенству белесой стели, сквозь несколько часов, все не было никаких признаков жизни. Только неизбранные пространства хлебов свидетельствовали о том, что в этой земле приложила свою руку человек. Изредка в отдалении мелькали странные глинистые строения таубинчиков — значит целинного созохоза.

Веселую маленько сферу — и мони товарищам по искусству, с привычкой откликнуться на просьбу работников целинных земель поспешил к нам почесть. Конечно, поездка на целину для автора долго не сонс легкое — много неудобств приходится преодолевать, вступать в необычайную обстановку.

Но давайте воротим все, как мы работали в годы Великой Отечественной войны. Тоже было трудно, но никто не говорил об этом, каждый понимал, что воинам еще труднее. Нелегка жизнь и быть людям, идущим на целину, а потом на концерт, на концерт-беседу. Слушали внимательно, жадно. Требовали еще и еще. Бригады с приветом поспешили на часы, мы могли расстаться. Люди соскучились за границу словом. С одного трактора на другой:

— Да мы лишний час вечером отработаем, расскажите еще что-нибудь, Елена Николаевна. А мне предстоит обратный путь

— где пасется стадо.

Веселую маленькую сферу — и мони товарищам по искусству, с привычкой откликнуться на просьбу работников целинных земель поспешил к нам почесть. Конечно, поездка на целину для автора долго не сонс легкое — много неудобств приходится преодолевать, вступать в необычайную обстановку.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Теперь пришли сюда люди и не просто люди, а люди великой мечты — и она, эта земля, будет родить хлеб! Мы обвязываем сквозную запашку и снова несемся по сувенирной дороге. Вот показались признаки жизни. Здесь идет обед, людей пока немного — человеков 10-12. В ожидании осматриваются спрятавшиеся от немилосердного солнца в таунчики. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Теперь пришли сюда люди и не просто люди, а люди великой мечты — и она, эта земля, будет родить хлеб! Мы обвязываем сквозную запашку и снова несемся по сувенирной дороге. Вот показались признаки жизни. Здесь идет обед, людей пока немного — человеков 10-12. В ожидании осматриваются спрятавшиеся от немилосердного солнца в таунчики. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше начинаются отроги гор. Дорога обворачивается — ее только что перепахали. Трактор неумолимо резает землю, поднимает огромные волны, нарушая вечную почву, требуя пробуждения. Я звала кузов этой земли, спавшей склонно солнышко лет. Здесь — нары, но чисто и светло. Люди все приезжие из Украины, из Белоруссии. Повариха Карпова — москвичка. Останутся ли здесь они? — Да. Все хорошо, жалоба

— Что это?

— Кукуруза, — ответила директор созохоза. Он сел, и нашу машину, чтобы показать дорогу на 9-й участок, где поднимают

столб новыми машины целины.

Наконец видели замечания по хлебам, то есть маленькие сопки. Вот там последние десятки километров еще не подписаны целины. А дальше

КОМУ МНОГО ДАНО...

На спектаклях Татарского академического театра им. Г. Камала

...Когда встречаешься с театром «Муса Джалиль», какая пресноводная тема: жизнь и подвиги Мусы Джалиля—одноизвестную специфику. Тем более когда перед вами богатый творческий коллектива. А ведь именно богатство, смелость и своеобразие отличают, судя по гастролям, Татарский академический театр имени Г. Камала. Коллектив пришел в Москву более дюжины спектаклей, различных по жанровым признакам, по тематике, по художественному решению. Репертуар разнообразен, есть в нем и спектакли о нашей современности, и о революционной борьбе татарского народа с властью муджей и баев, и о прошлом, о подпольной жизни трудящихся до Октября.

Но разве охватывает все эти в одной статье? Поэтому обратимся лишь к тем спектаклям, которые на наш взгляд, имеют принципиальное значение для Театра имени Г. Камала. Ограничимся разбором трех постановок — «Муса Джалиль», «Эйфа», «Без ветрил». Выбор этот не случаен: спектакли различны по жанровым признакам, по тематике, по художественному решению. Репертуар разнообразен, есть в нем и спектакли о нашей современности, и о революционной борьбе татарского народа с властью муджей и баев, и о прошлом, о подпольной жизни трудящихся до Октября.

Актерский состав театра превосходит. Вы смотрите того или иного актера в различных спектаклях и не можете не поразиться его искусству перевоплощения. Удивительная легкость, свободой поведения на сцене отличаются лучшие артисты. Другие присматриваются к чертам их творчества — заразительность, увлеченность своей задачей.

Вот вам встречается в трех спектаклях А. Шамуков — один из величайших актеров театра. Он создает три образа, совершенно противоположных по духу, по социальной сущности, по темпераменту. И да чего же верен внутренний и внешний рисунок, наивысший им!

А теперь вы знакомитесь с молодой актрисой А. Кафурадзиной. В спектакле «Без ветрил» она исполняет роль желанной, любящей гордой Руки, а в «Эйфе» — юного, смелого мальчишку. В обеих ролях актриса удивительна, по настоянию талантина. Актрисе Г. Булгатовой блажне, лирические, запущенные, проникновенные краски. Ш. Асафидзе тяготеет к острым, подчеркнуто театральным решениям. С успехом играли в столовке и Х. Садимжанова, и Ф. Кульбарисов, и В. Закиров, и другие.

Хуже в Театре имени Г. Камала с режиссером. В нашей театральной критике подчеркивается точка зрения, согласно которой есть театры режиссерские и театры актерские. Неизвестный в спор, скажем, что «режиссерский театр» без хороших актеров вряд ли может уделить людей, поклоннице любви искусств. Но настоящая режиссура — великое счастье. И как ни горько, приходится сказать, что вот этой самой силы как раз и не хватает во многих спектаклях Театра имени Г. Камала.

Театр показал москвичам спектакль «Бесприданница».

БЕСПРИДАННИЦА

Имя свердловского композитора Александра Фридлендера звучит на нашем Свердловском театре оперы и балета (на сюжет одного из сказок Банкова).

Сейчас А. Фридлендер впервые в истории советского балета обратился к творчеству А. Н. Островского. Уже это одно вызывает интерес к новой постановке, и многих отравляющих в театре «Бесприданницу» сердце, волновал вопрос: возможно ли превратить средствами хореографии драматическое произведение Островского?

Авторы и коллектив театра показали, что это возможно. Но-помним о нашем театре, и потому что наше творчество, и моя отечественная труппа, построенная на интонациях русской романсы, на ритмах популярных танцев, подлинно демократическая, отличается корпоративностью и, несомненно, передает ощущение эпохи. Владеет композитор и методом тоиной стилизации (цыганские танцы, танец романса), и ярким и ярким изяществом танцевального обрамления (сцена грозы). Широкими мазками обрисованы в балете картины «кулесов», купеческих, а также холдинговых удачливых, с подлинным увлечением. Очень удачно, отметим, что хищнически воспринимавший жизнь Паратов оказался в спектакле слишком облагороженным и притягательным. Это было ошибкой, но мы же доставили естественную радость многим зрителям, одарившим артистов.

Надо полагать, что и автор пьесы и постановщики старались избежать любой героники. Это правильно.

Но почему они побоялись истинного романса, который так соответствует светому облику Мусы Джалиля? Почему бытовые эпизоды за-

играли в спектакле слишком драматично?

В Круглов удачно передает исполнение Паратова молодостью и обаянием Ларисы, а также холодную расчетливость и бесцердечие своего героя. Следует, однако, отметить, что хищнически воспринимавший жизнь Паратов оказался в спектакле слишком облагороженным и притягательным.

Образ Карапанышева (У. Жебралускус) раскрылся в пантомиме и танце. Каждый жест и движение артиста глубоко выразительны. Особенно большой впечатление на динамике действий производит сцена отчуждения Карапанышева, когда он убеждается в беспомощности Ларисы. Ерик и колоритно выглядят в спектакле Кнуроев (А. Новиков) и Вожевотов (Н. Могилев), удачно воплощены Робинсон (Л. Дубинин). Но вполне донесена до зрителя сущность такой арии финала, как «Огузлова» (Э. Круглов).

Превосходно оформлены художником И. Ситниковым. Прекрасно переданы и необычайно волнистые сцены с уходящими вдала берегами, нависшими лицом-черными тучами, и живописный уголок заpusкания в горных рядах с цыганскими плясками, те же темпераментные, динамические пляски на берегу Волги при кострах. Музыка этих сцен контрастна музыке сцен разгула барж, где композитор уместно вводит тему «Эй, ухем!». Наилучше содержательна и насыщена музыка третьего действия. В его картине котлы, ваны, мазурка, между ними танцы-романсы Ларисы, в которых органически вплетены интонации романса «Нет, не люблю он», подчеркивающие его смысловое значение, симфоническое развитие, вспоминаясь — основа большинства сцен с включением разнообразных эпизодов.

Музыкальная культуниация балета — лирическо-эмоциональная сцена-интермешико. Ларисы и Паратова, вынесенная в сад под окна квартиры Карапанышева. Глубокое впечатление производит музыка в сцене отчуждения Карапанышева в момент смерти Ларисы.

Либретто И. Келлера открывает возможности хорошего хореографического воплощения. Балетмейстер Г. Язвинский осуществил постановку с художественным вкусом. Запоминаются прекрасно поставленные цыганские пляски. Спорным моментом явилась неожиданная трактовка партии Карапанышева. Трудно сказать, кто причиной тому — авторы балета или постановщики спектакля, но фигура Карапанышева на трагикомической, кардию с центральным образом Ларисы, становится подлинно трагедийной, отсечена Паратова на второй план. Объялительно-нежный и глубоко эмоциональ-

«ЕЕ ПАДЧЕРИЦА»

или в спектакле несправедливо иного места, нарушая общую его тональность.

Спектакль «Эйфа» всегда вызывал горячее признание зрительского зала, хотя скромен был актер. Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. И все же в решении такой важной темы были допущены просчеты.

Чем дорож нам Муса Джалиль? Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по-своему. Для нас Муса прежде всего существует как поэт, гений которого не только не учась в фальшивом застенке, но достиг своей высшей точки.

Изобразить на сцене рождение духовенного произведения неделегат. Ответ, казалось бы, прост: Муса Джалиль — герой. Мы видим его беззаветную любовь, верность Родине, презрение к врагу, к смерти. Но у Джалиля все эти человеческие качества выражены по

